

Галина Фирсова

Тайны поместья Элмвуд

Галина Фирсова

Тайны поместья Элмвуд

«Автор»
2026

Фирсова Г.

Тайны поместья Элмвуд / Г. Фирсова — «Автор», 2026

Сборник историй «Тайны поместья Элмвуд» Галины Фирсовой – ироничные исторические детективы в лучших традициях английского жанра. Англия, 1923 год. В старинном поместье Элмвуд в разгар зимнего бала происходит убийство: в запертой изнутри библиотеке находят тело лорда Элмвуда. Снежная буря отрезает дом от внешнего мира, искать преступника придётся среди гостей. Расследование берёт на себя Питер Уэст –адвокат с талантом подмечать несостыковки и полным отсутствием тяги к приключениям. Но главным открытием вечера становится юная Кэтрин. Она замечает то, на что другие не обращают внимания, ведёт блокнот с уликами и вникает в обстоятельства лучше любого сыщика. Первая история повлекла за собой вторую, а вторая и третью. Атмосферу напряжённого расследования смягчает английский юмор и фарфоровые свинки в цилиндрах и без, которые для читателя стали напоминанием, что даже в самой мрачной тайне есть место иронии. Эта книга для поклонников Агаты Кристи и уютных загадок в старинных стенах.

© Фирсова Г., 2026
© Автор, 2026

Галина Фирсова
Тайны поместья Элмвуд

Тайны поместья Элмвуд
Исторические детективы

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛЮБИМОМУ СЫНУ МАКСИМУ

От автора

Когда я задумывала эти истории, мне хотелось поймать тот самый дух классического английского детектива – с туманами, старинными особняками и загадками, которые решаются не грубой силой, а наблюдательностью и логикой. Но ещё мне хотелось, чтобы в этой атмосфере сдержанной аристократической серьёзности нашлось место улыбке. Ведь даже в самом мрачном доме, где часы бьют полночь, а за окнами воет метель, кто-то обязательно поставит на полку фарфоровую свинку в цилиндре, просто чтобы не забыть, что жизнь всё-таки чуточку абсурдна. И в этом абсурде порой прячется самая настоящая правда. «Тайна зимнего бала в поместье Элмвуд» родилась из простого вопроса: а что, если главным детективом в комнате окажется не тот, кого все ждут? Не прославленный сыщик с безупречной репутацией, а юная девушка, которую привыкли видеть лишь как украшение вечера. Кэтрин не носит плаща и не произносит эффектных монологов, она просто замечает, как дрогнула рука, как кто-то слишком поспешно сменил тему, как фарфоровая свинка вдруг исчезла с полки. Для неё эти мелочи – не пустяки, а нити, из которых можно сплести целую картину.

Питеру Уэсту, адвокату по профессии и скептику по натуре, поначалу кажется, что он оказался в нелепом водевиле: запертый особняк, убийство в запертой комнате, туман, метель и эта нелепая свинка, которая будто подшучивает над всеми. Но очень скоро он понимает, что именно в этих деталях, в этих мелких несостыковках и прячется ключ к разгадке. А ещё – что рядом с ним стоит человек, который видит куда больше, чем принято замечать.

Одна история повлекла за собой другие, и в них мне хотелось соединить два мира: мир строгих фактов и мир семейных тайн, где каждое слово может быть и защитой, и оружием. И, конечно, добавить немного иронии, ведь когда напряжение становится невыносимым, спасает именно лёгкая улыбка, неловкая шутка, взгляд, в котором читается: «Ну что ж, раз уж мы здесь, давайте хотя бы не терять присутствия духа».

Надеюсь, отправляясь вместе с Питером и Кэтрин по тёмным коридорам Элмвуда, вы почувствуете этот баланс между тайной и юмором, между страхом и решимостью. Пусть эти истории напомнят, что внимательность – редкий и ценный дар, а смелость бывает разной: иногда она звучит как громкий вызов, а иногда – как тихий вопрос: «А что, если я попробую разобраться?»

С благодарностью за то, что выбрали эту книгу,
Галина Фирсова.

Тайна зимнего бала: первое дело в поместье Элмвуд (Англия, 1923 год)

Глава 1. Снег отрезает пути, а нервы натягиваются как струны

Метель набросила на поместье Элмвуд пушистое, непроницаемое одеяло. Снежные вихри кружились над подъездной аллеей, заметая следы последних экипажей, и казалось, будто

весь мир сузился до дрожащего света фонарей да тяжёлых каменных стен старинного дома. Питер Уэст, кутаясь в тёплое пальто, с трудом выбрался из холодного экипажа. Он ворчал про «эти сельские развлечения», про то, что в Лондоне сейчас тепло, уютно и все дела лежат на столе ровно, по папкам, а не прячутся в сугробах. Но стоило ему поднять глаза на фасад Элмвуда, как ворчание само собой затихло. Метель рисовала на замёрзших стёклах причудливые узоры, словно невидимый художник торопливо набрасывал эскизы тайн, и Питер вдруг почувствовал, как в груди шевельнулось что-то похожее на любопытство, то самое, что он всегда старательно прятал за строгим видом адвоката, который любит, чтобы факты сходились.

В фойе его встретил лорд Элмвуд с преувеличенной бодростью, будто хотел заглушить треск дров в камине и завывание ветра за окнами.

– Питер, старина, ты как раз вовремя! У нас тут бал, празднование помолвки, и, кажется, кто-то опять спрятал штопор, – провозгласил он, хлопая Питера по плечу так энергично, что у того чуть не слетела шляпа.

Питер улыбнулся, но улыбка вышла сдержанной, почти профессиональной, такой, какую он надевал, когда слышал фразу «всё в порядке», а сам уже видел, как из этого «порядка» сыплются детали. В доме было слишком шумно для спокойствия и слишком весело для искренности. Слуги сновали туда-сюда, но двигались как-то скованно, будто боялись задеть невидимую паутину напряжения. Гости переговаривались, смеялись, но смех звучал чуть громче, чем нужно, а взгляды скользили, не задерживаясь. Питер уже чувствовал: в этом доме все говорят не то, что думают.

Кэтрин, юная невеста, появилась в дверях, будто сошла с модной открытки из журнала «The Tatler». Её платье переливалось в свете хрустальных люстр, перчатки были безукоризненно белыми, улыбка – идеальной. Но Питер заметил то, на что другие не обращали внимания: стоило ей на секунду опустить ресницы, как пальцы начинали нервно теребить браслет на запястье – тонкий, изящный, с крошечными жемчужинами, которые тихо постукивали друг о друга, выдавая её волнение. Она подошла к нему первой, не как к гостю, а как к человеку, который может помочь, будто в его аккуратном пальто и сдержанном взгляде она видела якорь посреди шторма.

– Мистер Уэст, мне кажется, что-то плохое случится. И я не про то, что тётя Марджори опять будет рассказывать про свои микстуры, – тихо сказала она, чуть наклонившись вперёд, чтобы её слова не унесло шумом зала.

Питер хмыкнул, стараясь разрядить напряжение:

– Я пригляжу за тётей Марджори, чтобы тема микстур не возникла и плохое не случилось.

Он сказал это легко, почти шутливо, но в глубине души уже начал раскладывать по полочкам всё, что успел заметить: преувеличенную бодрость лорда, скользящие взгляды слуг, нервный жест Кэтрин. Факты пока не складывались в единую картину, но несостыковки уже царапали сознание, как плохо подогнанная деталь в механизме.

Анекдотичная фигурка, которая сбивала с толку своей нелепой обыденностью, стояла прямо на подставке для писем в углу фойе – фарфоровая свинка в цилиндре. Она смотрела на гостей маленькими блестящими глазами, будто строгий швейцар, который решает, кого пускать, а кого – нет. Питер, не удержавшись, наклонился к ней поближе, потом тихо спросил у невозмутимого дворецкого мистера Харриса:

– Это у вас такой способ отпугивать незваных гостей?

Мистер Харрис, не моргнув глазом, ответил с той безупречной невозмутимостью, которая бывает только у лучших английских дворецких:

– Сэр, это способ хозяев напоминать, что у них есть чувство юмора. К сожалению, оно редко просыпается.

Питер едва заметно улыбнулся, но в этой улыбке было больше понимания, чем веселья. Он уже догадывался: в доме, где о чувстве юмора приходится напоминать с помощью фарфоровой свинки, шутки, скорее всего, давно вышли из моды.

В гостиной поместья Элмвуд царило предвкушение. Все собрались, чтобы отпраздновать помолвку Кэтрин и Джона Хилроу: в вазах благоухали свежие цветы, на столах стояли угощения, а в воздухе витало то особенное, трепетное ожидание, какое бывает лишь в самые светлые моменты жизни. Леди Марджори то и дело подходила к окну, будто надеялась увидеть экипаж Джона, сын лорда Элмвуда сдержанно улыбался, стараясь не выдавать волнения, а слуги сновали туда-сюда, доводя последние штрихи до совершенства.

Кэтрин стояла у камина, теребя край кружевного платка. В её взгляде смешивались радость и лёгкая тревога, она так ждала этой минуты, когда Джон войдёт в зал, улыбнётся ей, и весь мир словно станет чуть светлее. Гости переговаривались вполголоса, бросая на неё тёплые взгляды, и каждый мысленно желал, чтобы этот день стал началом самой красивой истории.

И вот, когда напряжение ожидания достигло предела, в зал вошёл дворецкий с запечатанным письмом в руках. Он тихо переговорил с лордом Элмвудом, и по тому, как слегка помрачнело лицо хозяина поместья, все поняли – новости не те, которых ждали.

Сын лорда Элмвуда поднялся, дождался тишины и произнёс:

– Мы только что получили известие от Джона Хилроу. К сожалению, обстоятельства задержали его, и он не сможет присоединиться к нам сегодня. Он просит всех извинить его и передаёт самые искренние сожаления.

В зале повисла короткая пауза, а затем он поспешил добавить:

– Но посмотрите, что он пишет дальше… Он так счастлив, что они с Кэтрин помолвлены! Говорит, что эта мысль согревает его даже в самые хлопотные дни. И он надеется на скорую встречу с нашей дорогой Кэтрин.

Кэтрин почувствовала, как к глазам подступают слёзы, но это были слёзы не печали, а нежности. Она улыбнулась, крепче сжимая в пальцах платок, и тихо прошептала:

– Он помнит… и он счастлив. Этого достаточно.

Гости дружно закивали, и понемногу напряжение растаяло. Кто-то предложил поднять бокалы за жениха, пусть и отсутствующего, кто-то – написать ему ответное письмо, полное добрых слов и заверений, что праздник всё равно состоится, как только он сможет приехать. В воздухе снова зазвучали разговоры, смех, пожелания, и даже тень разочарования уже не казалась такой густой, ведь главное было сказано, главное свершилось: Кэтрин и Джон были помолвлены, и впереди их ждала встреча, которую все теперь ждали с ещё большим нетерпением.

Позже, когда суета немного улеглась, Кэтрин снова нашла Питера Уэста, на этот раз в небольшой гостиной, и увела его в нишу у окна под предлогом показать вид на заснеженный сад. Здесь было тише, и слова давались легче. Она заговорила быстро, будто боялась, что кто-то услышит, и в то же время будто отчаянно нуждалась в том, чтобы кто-то её услышал.

– Вчера вечером я слышала, как сэр Реджинальд говорил с моей матерью очень жёстко. Я не хотела подслушивать, просто проходила мимо библиотеки, а дверь была чуть приоткрыта… Он требовал вернуть какие-то письма. «Верните письма, иначе всё пойдёт прахом», – вот что он сказал. Мама побледнела так, будто увидела привидение. А потом она взяла свинку – ту самую, что в цилиндре – и просто стояла, смотрела на неё и молчала. Я подошла, позвала её, но она будто не слышала. Только потом, когда я потрясла её за руку, она очнулась и сказала: «Ничего, дорогая, просто сквозняк». Причём здесь сквозняк? Я ведь знаю, что никакого сквозняка не было.

Питер слушал, не перебивая. Его адвокатский ум уже выстраивал цепочки: письма, требование, внезапная бледность, нелепый предмет, ставший якорем для потрясённого сознания.

Он не стал сразу задавать вопросы, не стал обещать разобраться, вместо этого он просто кивнул и тихо сказал:

– Спасибо, что рассказали. Иногда самое важное прячется в том, что кажется пустяком.

И в этот момент за окнами раздался особенно сильный порыв ветра, а снег ударил в стёкла так, будто кто-то снаружи пытался достучаться до тех, кто внутри. В доме вдруг стало тихо на долю секунды, но этой доли хватило, чтобы почувствовать: метель не просто отрезала пути к отступлению. Она заперла всех в Элмвуде, чтобы тайна, которую так старательно прятали, наконец вышла наружу.

Глава 2. Полночь, удар и всеобщая паника с элементами комедии

Бал в поместье Элмвуд шёл по заранее выверенному плану или, по крайней мере, старательно делал вид, что идёт. В главном зале кружились дамы в струящихся платьях, их веера то вспыхивали, то гасли в свете люстр, будто маленькие крылья ночных бабочек. Джентльмены, собравшись у камина, с умным видом обсуждали винтажные вина, хотя половина из них не отличала бордо от портвейна. В углу, как неизбежный атрибут любого приличного английского сборища, тётя Марджори громогласно вещала, перекрывая даже оркестр: «В моё время такого не было! В моё время люди знали своё место, и уж точно не устраивали балов в метель!» Её слова, казалось, оседали в воздухе, смешиваясь с запахом воска, духов и лёгкой паники, которая витала где-то под потолком, ещё не решаясь прорваться наружу.

Ровно в полночь старинные часы в холле начали отбивать удары – глубокие, тяжёлые, словно отсчитывающие не минуты, а судьбы. Гости на мгновение замерли, будто по команде, и в этой короткой паузе повисла особая тишина, та, что бывает перед бурей. По традиции, именно в полночь хозяин дома должен был произнести тост, поднять бокал за счастливое будущее молодых и тем самым официально открыть главную часть вечера. Но лорд Элмвуд не появился.

Сначала на это не обратили внимания: мало ли, задержался из-за дел, или, быть может, проверял, всё ли в порядке с кухней. Но когда минуты потянулись, а лорд Элмвуд так и не вошёл в зал, лёгкая неловкость начала расползаться по гостям, как пятно от пролитого вина. Наконец, мистер Харрис, дворецкий, появился в дверях с тем самым выражением лица, которое у лучших представителей его профессии означает «случилось нечто, что никак не должно было случиться».

– Прошу внимания, дамы и господа, – обратился он к собравшимся, сохраняя безупречную выправку, – лорд Элмвуд до сих пор не спустился для произнесения тоста. Я проверил его кабинет и личные покои, его там нет.

По залу прокатился шёпот, похожий на шелест сухих листьев. Кто-то нервно хихикнул, кто-то нахмурился. Капитан Фрост, бывший военный с густыми усами и привычкой командовать даже там, где это не требовалось, тут же вскочил:

– Немедленно обыскать весь дом! Нельзя терять ни минуты!

– Спокойно, капитан, – тихо, но твёрдо произнёс Питер Уэст, не сводя глаз с лица дворецкого. – Сначала проверим места, где хозяин мог задержаться. Библиотека, зимний сад, курительная…

Поиски начались с библиотеки, и почти сразу закончились. Дверь была заперта изнутри, но, когда мистер Харрис осторожно постучал и не получил ответа, он, повинуясь молчаливому кивку Питера, повернул ключ в замке. Дверь распахнулась, и на пороге повисла тишина, тяжёлая и липкая.

Лорд Элмвуд сидел в своём любимом кресле у камина, слегка откинувшись назад, будто задремал. Но в его позе не было покоя. Рядом на столе лежало тяжёлое бронзовое пресс-папье с гравировкой фамильного герба, которое лорд Элмвуд всегда держал под рукой, чтобы

придавливать важные бумаги. Сейчас оно выглядело так, будто его только что бросили. Окно было покрыто густым инеем, узоры на стекле напоминали застывшие слёзы. Дверь, запертая изнутри, и отсутствие следов взлома делали картину ещё более зловещей. Лорд Элмвуд был мёртв.

Кто-то из дам тихо вскрикнул. Леди Харрингтон, дама с впечатляющими драгоценностями и впечатлительной натурой, медленно осела на пол, будто из неё внезапно вынули все кости, и упала в обморок. Капитан Фрост тут же начал отдавать приказы:

– Обыскать всех! Проверить карманы, сумки, каждый уголок! Преступник наверняка здесь, среди нас!

– Пожалуйста, без обысков и без истерик, – голос Питера прозвучал негромко, но так, что все невольно обернулись. – Мы не в дешёвом водевиле, хотя декорации, должен признать, подходящие. Сейчас самое важное – не уничтожить улики и не дать страху взять верх.

Он подошёл к двери библиотеки, внимательно осмотрел ручку, замок, щель под дверью, будто пытался прочитать невидимые письмена. Затем, не колеблясь, закрыл дверь и повернул ключ, словно отрезая комнату от остального мира.

– Прошу всех пройти в гостиную, – спокойно, но властно произнёс он. – Там мы сможем поговорить без суеты. И, пожалуйста, никто не должен покидать поместье до выяснения обстоятельств. Метель и так отрезала нас от внешнего мира, давайте не будем усложнять ситуацию.

Гости, переглядываясь и перешёптываясь, потянулись в гостиную. Кто-то всхлипывал, кто-то бормотал молитвы, кто-то просто шёл, уставившись в пол, будто боялся увидеть на нём следы преступления. Тётя Марджори, единственная, кто сохранял видимость спокойствия, громко заявила, перекрывая общий гул:

– Это всё из-за сквозняка и дурных манер! В моё время никто не запирался в комнатах и не падал замертво посреди бала!

В гостиной напряжение повисло в воздухе, густое и осязаемое. Питер окинул взглядом собравшихся, стараясь уловить малейшие детали: кто отводит глаза, кто сжимает кулаки, кто, наоборот, слишком расслаблен. Его взгляд остановился на Кэтрин. Она не плакала, не кричала, не металась по комнате. Она стояла у окна, слегка повернувшись к двери, ведущей в коридор, откуда можно было увидеть вход в библиотеку и смотрела на эту дверь так, будто пыталась запомнить каждую деталь: цвет дерева, форму ручки, тень, падающую на пол. В её взгляде не было ужаса, скорее, отчаянная попытка удержать реальность, не дать ей рассыпаться на осколки.

Дворецкий мистер Харрис, стараясь вернуть хотя бы видимость порядка, принёс поднос с чашками и чайником, будто горячий чай мог исправить всё, что пошло не так. Он аккуратно поставил поднос на стол… и нечаянно задел фарфоровую свинку в цилиндре. Та покатилась по полированной поверхности, звякнула своим миниатюрным цилиндром и упала на бок, будто в испуге.

На секунду все замолчали. Все взгляды устремились на нелепую фигурку, которая теперь лежала на боку, словно признавая своё бессилие перед лицом трагедии. В комнате повисла пауза, такая плотная, что её можно было резать ножом.

И вдруг Кэтрин тихо, почти шёпотом, произнесла:

– Кажется, она наконец-то решила сбежать.

Её слова прозвучали так неожиданно и так неуместно, что сначала никто не понял, о чём речь. А потом кто-то нервно хихикнул. Потом ещё кто-то. Смех был нервным, дрожащим, почти истерическим, но он сделал своё дело – разрядил атмосферу, позволил людям снова дышать. Даже тётя Марджори на мгновение перестала ворчать и удивлённо посмотрела на свинку, будто впервые её увидела.

Питер едва заметно улыбнулся краешком губ. Он не стал делать вид, что ничего не случилось, но оценил эту маленькую попытку Кэтрин удержать всех от безумия. В её шутке была не легкомысленность, а храбрость, та самая, что помогает не сломаться, когда мир рушится.

– Хорошо, – тихо сказал он, обращаясь ко всем, но глядя в основном на Кэтрин. – Теперь, когда мы немного пришли в себя, давайте попробуем разобраться. Кто последним видел лорда Элмвуда живым? Кто-нибудь слышал подозрительные звуки? И самое главное – кто знал, что он собирался произнести сегодня особый тост, который, возможно, должен был раскрыть какую-то тайну?

В комнате снова стало тихо, но теперь эта тишина была другой – не панической, а собранной. Люди начали вспоминать, перебирать в памяти последние часы, искать те самые детали, которые раньше казались пустяками. А фарфоровая свинка, лежавшая на боку, будто наблюдала за ними своими маленькими блестящими глазами, храня молчание, такое же многозначительное, как и всё, что происходило в эту ночь в поместье Элмвуд.

Глава 3. Первый круг вопросов, или Кто тут самый подозрительный?

Гости расселись в гостиной не по рангу и не по привычному этикету, а по степени растерянности: кто-то жался к камину, будто тепло могло защитить от правды; кто-то, наоборот, держался в тени, стараясь не привлекать внимания. Питер Уэст стоял у окна, слегка опираясь на подоконник – не для важности, а чтобы видеть всех сразу. Он старался не звучать как судья, не давить интонацией, не выставлять вопросы как обвинения. Но получалось именно так. Сама тишина в комнате, сама поза гостей, будто каждый уже признал себя виновным хотя бы в том, что оказался здесь в эту ночь, придавала его словам обвинительный оттенок.

– Я не собираюсь устраивать трибунал, – тихо, но отчётливо произнёс Питер, обводя взглядом собравшихся. – Но, если мы хотим понять, что случилось с лордом Элмвудом, нам придётся говорить о вещах, которые обычно оставляют за закрытыми дверями. Прошу вас отвечать честно и, по возможности, точно: кто последним видел сэра Реджинальда живым? Что происходило в доме до полуночи? И не заметил ли кто-нибудь чего-то странного в последние дни?

Первым, как и следовало ожидать, не выдержал лорд Харгрейв – аристократ с безупречными манерами и привычкой говорить так, будто каждое его слово чеканят на монете.

– Мистер Уэст, – начал он, чуть приподняв подбородок, словно защищаясь от самой необходимости оправдываться, – я бы никогда не стал махать пресс-папье. Для этого есть дворецкий. Если уж мне нужно было бы что-то придавить, я попросил бы мистера Харриса. Это вопрос этикета, а не силы.

Питер едва заметно кивнул, не споря, но и не принимая оправдание как доказательство невиновности.

– Благодарю за уточнение. Значит, вы не прикасались к пресс-папье в библиотеке. А когда вы видели лорда Элмвуда в последний раз?

Лорд Харгрейв на мгновение запнулся, будто искал в памяти нужную деталь, которая не хотела находиться.

– Кажется, перед началом бала. В холле. Мы обменялись парой слов о погоде. О чём ещё говорят в Англии, если не о погоде?

Миссис Эвелин, невестка лорда Элмвуда, сидевшая в глубоком кресле с прямой спиной и неподвижным лицом, словно вырезанным из холодного мрамора, не дождалась вопроса, она сама его опередила.

– Я не желаю обсуждать прошлое, мистер Уэст, – проговорила она, не повышая голоса, но так, что в комнате стало тише. – Оно и так слишком громко стучит в стены этого дома. Если

вы ищете мотивы, ищите их в настоящем. В том, что происходит здесь и сейчас, а не в том, что было двадцать лет назад.

Питер посмотрел на неё чуть дольше, чем следовало, и в этом взгляде не было ни осуждения, ни любопытства, только признание: да, в этом доме прошлое действительно стучит громче, чем часы.

– Хорошо, – спокойно ответил он. – Тогда скажите, видели ли вы лорда Элмвуда после начала бала? И не заметили ли вы, чтобы кто-то проявлял к нему особое… внимание?

Она покачала головой, но в этом жесте было не столько отрицание, сколько нежелание продолжать.

Капитан Фрост, до этого сидевший на краю стула, будто готовый вскочить по команде, вдруг резко подался вперёд, и его голос, обычно грубоватый и командный, задрожал от сдерживаемых эмоций.

– Этот человек сломал мне жизнь! – выкрикнул он, и фраза повисла в воздухе, тяжёлая и горькая, как дым после пожара. – Он… он… – капитан осекся, будто сам не знал, как закончить, и это молчание оказалось красноречивее любых слов.

Питер не стал торопить его, не стал подсказывать формулировки. Он просто кивнул, спокойно и понимающе.

– Понимаю. Иногда злодеи ломают жизнь так, что даже формулировку подобрать трудно. Если хотите, можете не говорить сейчас. Но если позже вспомните что-то, что может помочь, – я буду здесь.

Капитан опустил голову, сжал кулаки, но уже не кричал. В его молчании чувствовалось не столько облегчение, сколько тяжесть невысказанного.

Тем временем Кэтрин сидела в углу на небольшом диванчике, склонившись над маленьким блокнотом. Она не делала вид, что записывает показания, не старалась выглядеть важной. Она просто фиксировала то, что видела: взгляды, паузы, дрожь в пальцах. Питер подошёл к ней, остановился рядом, не мешая, но давая понять, что он здесь.

– Вы ведёте протокол? – спросил он, стараясь, чтобы вопрос прозвучал нейтрально.

Кэтрин вздохнула, не поднимая глаз, и провела карандашом по странице, будто стирая что-то невидимое.

– Нет, – ответила она тихо. – Я пытаюсь понять, кто из них врёт, а кто просто боится. И ещё я записываю, кто на кого смотрит. Это важнее слов. Например, мама каждый раз, когда кто-то упоминает прошлое, бросает взгляд на дверь, будто ждёт, что оттуда кто-то выйдет и всё объяснит. А лорд Харгрейв, когда говорит, смотрит не на вас, а на камин, будто там написаны правильные ответы.

Питер усмехнулся, но в этой усмешке не было насмешки, только уважение.

– У вас талант, – произнёс он, и Кэтрин наконец подняла глаза и слабо улыбнулась, будто принимая это.

В этот момент тётя Марджори, которая до этого сидела, плотно сжав губы, будто удерживая внутри все возможные комментарии, вдруг решительно встала.

– Всё это оттого, что специи хранили неправильно! – провозгласила она с такой уверенностью, будто раскрыла главную тайну века. – В моё время знали: если перец лежит рядом с корицей, жди беды. А у нас в кладовой всё свалено в одну кучу! Вот и результат: убийство, паника, фарфор по полу катается.

Она достала из сумочки небольшой флакон и потрясла им, как знаменем.

– У меня тут настойка. Фирменная. Для успокоения нервов. Каждому по ложечке – и сразу всё встанет на свои места.

Все невольно посмотрели на флакон, будто он мог действительно всё исправить. Питер вежливо, но твёрдо покачал головой.

– Благодарю, миссис Марджори, но я предпочитаю разбираться с убийствами на трезвую голову.

Тётя Марджори поджала губы, но не стала настаивать. Вместо этого она села обратно, достала из кармана вязаные перчатки и начала их расправлять, будто это было единственное, что она могла контролировать в этом хаосе.

Пока Питер продолжал задавать вопросы, переходя от одного гостя к другому, он машинально провёл рукой по карману пальто и вдруг нащупал что-то тонкое и жёсткое. Достав это, он увидел обрывок бумаги – пожелтевший, с неровным краем, будто его торопливо вырвали. На нём была всего одна фраза, написанная аккуратным, но торопливым почерком: «…не говори никому о том, что было в 1914 году».

Питер замер на мгновение, разглядывая обрывок, потом осторожно спрятал его обратно. Но Кэтрин заметила и успела прочитать. Она подняла глаза от блокнота, посмотрела на Питера, потом на его карман, и в её взгляде мелькнуло понимание и тревога.

– 1914… – прошептала она, когда Питер снова подошёл к ней. – Это год, когда мама уехала из дома на полгода. Никто не говорит, куда и почему. Просто говорят: «Ей нужно было отдохнуть». Но она вернулась другой. Тише. Будто что-то внутри неё сломалось, и она боялась, что, если скажет хоть слово, всё рассыплется окончательно.

Питер кивнул, не обещая ничего выяснить, не давая пустых надежд.

– Иногда самые важные вещи прячут не в сейфах, а в паузах между словами, – тихо сказал он, – и, если эта тайна связана с тем, что случилось сегодня, мы её найдём. Даже если придётся слушать не только то, что говорят, но и то, о чём молчат.

За окнами метель продолжала свою бесконечную песню, заметая дорожки и отрезая поместье от остального мира. Но внутри, среди дрожащего света ламп и напряжённых взглядов, уже начала складываться другая картина из обрывков фраз, взглядов, старых тайн и одной маленькой бумажки, которая могла оказаться ключом ко всему.

Глава 4. Фигурка свинки, старые письма и первые выводы Кэтрин

Тишина в поместье Элмвуд стала другой – не той звенящей, панической, что накрыла дом после известия о смерти лорда, а тяжёлой, выжидающей. Гости, рассаженные по комнатам под присмотром слуг, делали вид, что заняты делом: кто-то перебирал страницы старого журнала, кто-то бессмысленно двигал чашку по блюдцу, кто-то смотрел в окно, будто надеялся, что метель вдруг расступится и явит спасительную дорогу. Но все они знали: пока снег не сойдёт, а Питер Уэст не разберётся в случившемся, никто не покинет Элмвуд.

Кэтрин не могла сидеть сложа руки. Она знала этот дом не по парадным описаниям в путеводителях, а по тайным трещинам в паркете, по тому, как свет ложится на стены в разное время суток, по тем уголкам, куда даже слуги заглядывали лишь раз в месяц. Пока Питер пытался вытянуть из гостей хоть крупицу полезной информации, Кэтрин подошла к нему, когда он на мгновение остался один в коридоре, и тихо сказала:

– Здесь нельзя искать только то, что лежит на виду. Если кто-то хотел что-то скрыть, он прятал это там, где никто не ходит. Позвольте мне показать.

Питер посмотрел на неё с лёгким удивлением, но без скепсиса, в её словах звучала уверенность человека, который знает, о чём говорит.

– Ведите, – кивнул он.

И Кэтрин повела его по коридорам, минуя парадные залы, туда, где половицы скрипели иначе, где пыль лежала ровнее, будто её никто не тревожил годами.

– Вот здесь, – она остановилась у узкого проёма, почти скрытого тенью массивного шкафа, – если наступать на край половицы, она издаёт звук, похожий на тихий стон. Мама всегда говорила, что это дом вздыхает. А здесь, – она указала на нишу у старой лестницы, ведущей

к чердачным комнатам, – тень ложится так, будто кто-то прячется. Я в детстве думала, что тут живёт домовой. Теперь думаю, что тут кто-то мог стоять и подслушивать.

Питер внимательно осмотрел и половицу, и нишу, наклонился, потрогал дерево, провёл пальцем по стыкам досок.

– Вы бы могли стать отличным помощником сыщика, – произнёс он с уважением, выпрямляясь. – Если бы сыщики нанимали помощников, которые замечают тени.

Кэтрин слабо улыбнулась, но в этой улыбке не было радости, скорее, облегчение от того, что её наблюдательность наконец-то сочли не причудой, а достоинством.

– Тени не лгут, – тихо сказала она. – Слова могут, а тени – нет.

Они двинулись дальше и вскоре оказались у двери комнаты миссис Эвелин – строгой, сдержанной, будто даже воздух здесь был чуть холоднее. Кэтрин остановилась, прикусив губу.

– Мама не любит, когда сюда заходят без спроса. Но… если мы хотим понять, что её пугало, нужно посмотреть там, где она прятала свои страхи.

Питер не стал уговаривать, не стал обещать, что всё будет в порядке. Он просто кивнул, давая ей право самой принять это решение. Кэтрин глубоко вздохнула и толкнула дверь.

Комната пахла лавандой и старой бумагой. На туалетном столике лежали гребни, на комоде – аккуратная стопка писем, перетянутая лентой. Но Кэтрин прошла мимо них к небольшому резному шкафу, открыла дверцу и достала оттуда деревянную шкатулку с медными уголками. Руки у неё слегка дрожали, когда она отпирала крошечный замочек.

Внутри лежали письма, сложенные по датам, и несколько фотографий. Кэтрин начала листать их дрожащими пальцами, бегло просматривая строки, пока вдруг не замерла, вцепившись в один листок.

– Смотрите, – прошептала она, протягивая Питеру пожелтевший лист. – Мама писала, что ей страшно. И что кто-то знает её секрет. А вот тут… – она перевернула страницу и снова замерла. – Вот тут она пишет про свинку: «Если поставлю её на полку, значит, всё хорошо. Если оставлю на столе – значит, мне нужна помощь, но я не могу сказать вслух».

Питер взял письмо, прочитал эти строки, потом хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки, скорее, горькое понимание.

– То есть свинка – это такой семейный маяк, – проговорил он, возвращая письмо. – Очень удобно. Жаль, что никто не догадался повесить рядом табличку: «Свинка на полке – значит, в доме всё спокойно».

Кэтрин невесело рассмеялась.

– Мы думали, что это просто шутка. Или игра. Я не знала, что это сигнал.

В этот момент дверь тихо скрипнула, и в комнату вошла миссис Эвелин. Она остановилась на пороге, не врываясь, не крича, просто глядя на них с той спокойной усталостью, которая бывает у людей, слишком долго державших всё в себе. Кэтрин не опустила глаз, не бросилась оправдываться. Она просто держала письмо в руке, будто это был не компромат, а просьба о понимании.

Миссис Эвелин, ставшая после смерти свёкра леди Эвелин, медленно подошла, взяла фарфоровую свинку, которая стояла на краю комода, и аккуратно поставила её на полку – туда, где, судя по всему, ей и полагалось быть.

– Да, – тихо произнесла она, не глядя на дочь, но будто обращаясь именно к ней. – Я ставила её на столе, когда мне было страшно. И на полку, когда хотела, чтобы отец понял, что я в порядке. Глупо, наверное.

Кэтрин покачала головой.

– Не глупо, – тихо ответила она. – Это как сигнал. Я бы тоже хотела иметь такой. Что-то простое, что можно поставить на стол и сказать: «Я здесь. Мне нужна помощь».

Леди Эвелин наконец посмотрела на дочь, и в этом взгляде было столько невысказанного, что воздух в комнате будто наэлектризовался.

– Прости, что не говорила тебе, – проговорила она. – Иногда кажется, что, если не произносить слова вслух, они не станут правдой.

Питер, стоявший чуть в стороне, не вмешивался. Он понимал, что сейчас решается не только вопрос улик, сейчас между матерью и дочерью рушилась стена, которую строили годами. Но он не мог позволить себе забыть о деле.

– Леди Эвелин, – тихо, но твёрдо произнёс он. – Тот секрет, о котором вы писали… он как-то связан с тем, что произошло сегодня?

Она помолчала, будто взвешивая каждое слово. Потом кивнула.

– Возможно. В письмах есть упоминания о вещах, которые могли кого-то сильно разозлить. О событиях 1914 года. О том, что я знала и не хотела вспоминать.

Кэтрин подняла глаза.

– 1914… Это год, когда ты уехала из дома на полгода. Никто не говорил, куда и почему. Просто говорили: «Ей нужно было отдохнуть». Но ты вернулась другой. Тише. Будто что-то внутри тебя сломалось.

Леди Эвелин не стала отрицать.

– Да. И я надеялась, что прошлое останется прошлым. Но, похоже, оно решило напомнить о себе самым жестоким образом.

Питер достал из кармана тот самый обрывок письма, который нашёл раньше, и показал его леди Эвелин.

– «…Не говори никому о том, что было в 1914 году», – прочитал он. – Вы видели эту фразу раньше?

Она побледнела, но не отшатнулась.

– Видела. Это часть письма, которое я сожгла. Или думала, что сожгла. Кто-то сохранил его. И, видимо, использовал как угрозу.

В комнате повисла тишина, густая и тяжёлая. За окном по-прежнему выла метель, но внутри, среди старых писем, фарфоровых свинок и невысказанных страхов, уже складывалась новая картина. Питер мысленно расставлял факты по полочкам: сигнал в виде свинки, страх леди Эвелин, тайна 1914 года, обрывок письма. Всё это было частями одной мозаики, и теперь он знал, куда смотреть дальше.

– Спасибо, что сказали правду, – произнёс он, убирая обрывок обратно в карман. – Это поможет.

Кэтрин подошла к матери и осторожно взяла её за руку. Леди Эвелин сжала пальцы дочери, будто цепляясь за единственное, что оставалось настоящим.

А фарфоровая свинка стояла на полке, тихая и неподвижная, но теперь она уже не казалась нелепой безделушкой. Она была маленьким маяком, который столько лет пытался пробиться сквозь тьму молчания и наконец был услышан.

Глава 5. Потайной ход, ложные следы и Кэтрин берёт инициативу

В гостиной по-прежнему царила напряжённая тишина, но теперь она была иной – не панической, а настороженной. Гости сидели на своих местах, будто приклеенные к креслам, и каждый старался выглядеть как можно более безобидным. Питер Уэст не смотрел на них. Он смотрел на стены.

Он медленно шёл вдоль панелей, проводя пальцами по стыкам, проверяя, нет ли едва заметных зазоров, неровностей, крошечных царапин, которые могли бы выдать тайник. В старых английских домах, особенно в таких, как Элмвуд, строившихся в эпоху, когда семейные тайны ценились дороже фамильных драгоценностей, потайные ходы были почти обязательным атрибутом. И Питер был уверен: если кто-то смог попасть в запертую изнутри библиотеку и

нанести роковой удар, не оставив следов на полу и не взломав дверь, то путь лежал не через коридор.

Кэтрин наблюдала за ним из угла, где она снова устроилась со своим блокнотом, но теперь в её глазах было не просто любопытство, а азарт. Когда Питер остановился у массивной дубовой панели рядом с камином и слегка постучал костяшками пальцев, она тут же оказалась рядом.

– Я знала, что он где-то есть! – прошептала она, подавшись вперёд. – В детстве мы с братом прятались здесь, когда тётя Марджори начинала рассказывать про микстуры. Мы считали, что, если не видим её, значит, она не существует.

Питер едва заметно улыбнулся, не отрывая взгляда от панели.

– Ваша тётя, – тихо произнёс он, – настоящий двигатель детективных сюжетов. Если бы не она, половина ваших детских укрытий не имела бы смысла.

Кэтрин хихикнула, но тут же прикусила губу, вспомнив, где они и почему.

– Простите. Просто… это единственное, что сейчас кажется нормальным. Прятки, секреты, старые панели.

Питер кивнул, не осуждая.

– Ничего. Иногда нормальная жизнь прячется в самых нелепых местах.

Он нажал на едва заметный выступ, скрытый в резном узоре, и панель тихо щёлкнула, приоткрывшись ровно настолько, чтобы в щель можно было просунуть пальцы. Ещё одно нажатие, и часть стены плавно отъехала в сторону, открывая узкий проход, затянутый паутиной и пахнущий пылью и временем.

– Вот он, – выдохнула Кэтрин, заглядывая внутрь. – Я думала, мы его заделали. Или что он просто мне приснился.

– Он не приснился, – Питер посветил внутрь карманным фонариком, и луч выхватил из темноты ступени, уходящие вниз под небольшим углом. – И, судя по пыли, им давно не пользовались, пыль лежит ровным слоем. А в этих местах пыль нарушена. Смотрите: вот здесь кто-то провёл рукой. А здесь – след от подошвы.

Кэтрин наклонилась, вглядываясь в едва заметные отметины.

– Значит, кто-то знал про ход. И воспользовался им.

– Или хотел, чтобы мы думали, что им воспользовались, – добавил Питер, выпрямляясь. – В детективной работе самое опасное – принимать очевидное за истину. Ложные следы оставляют специально, чтобы сбить с толку.

Они вернулись в гостиную, где напряжение висело в воздухе, как тяжёлый пар. Питер начал методично проверять алиби, задавая вопросы не напрямую, а окольными путями, чтобы не дать никому времени придумать идеальную ложь. Кэтрин держалась рядом, не перебивая, но её глаза скользили по лицам, по позам, по малейшим движениям.

Когда очередь дошла до капитана Фроста, Питер задал ему простой вопрос:

– Вы помните, где стояли, когда оркестр играл первый вальс?

Капитан насторожился, будто этот вопрос был ловушкой.

– У окна, кажется. Или у камина. Точно не помню.

Кэтрин, стоявшая чуть сбоку, вдруг тихо произнесла:

– Смотрите, у капитана Фроста манжеты мокрые.

Питер перевёл взгляд на рукава капитана. Действительно, на тёмной ткани виднелись едва заметные тёмные пятна.

– Мокрые, – повторил он, не обвиняя, просто констатируя факт. – Он стоял у окна? Или просто нервничал?

Кэтрин пожала плечами, но в её взгляде читалось: «Проверьте».

Питер кивнул.

– Или просто пролил на себя грог, – спокойно произнёс он. – Но проверим. Окна в зале большие, и на подоконниках скапливается конденсат. Если вы стояли там, капли могли стечь прямо на рукава.

Капитан Фрост покраснел, но не стал спорить.

– Да, я стоял у окна. Было душно, хотелось воздуха. И… да, я пролил грог. Это всё.

Питер не стал настаивать. Он записал что-то в своём блокноте и перешёл к следующему.

Дворецкий мистер Харрис, которого Питер попросил задержаться, стоял с безупречной выправкой, но в его глазах мелькнуло что-то, похожее на усталость.

– Мистер Харрис, – начал Питер, – Вы служили в этом доме много лет. Вы знали о потайном ходе?

Дворецкий на мгновение замер, будто взвешивая, стоит ли признаваться. Потом медленно кивнул.

– Знал, сэр. Это не секрет для прислуги. Но я никогда им не пользовался. С моим ревматизмом я бы не смог проползти даже по ровному полу, не то что по этим ступеням.

Питер посмотрел на него внимательно, без осуждения.

– Значит, – тихо произнёс он, – убийца должен быть либо моложе, либо отчаяннее.

Мистер Харрис едва заметно склонил голову, признавая логику этого вывода.

– Именно так, сэр.

Пока Питер продолжал опрашивать гостей, Кэтрин незаметно отошла к детям – двум внукам покойного лорда Элмвуда, которые сидели в углу и делали вид, что увлечённо играют в мраморные шарики, хотя на самом деле жадно ловили каждое слово. Она присела рядом, тихо заговорила с ними, и через минуту оба мальчика, переглянувшись, быстро сунули что-то в карман пальто Питера, пока тот отворачивался, чтобы сделать пометку в блокноте.

Спустя полчаса, когда Питер уже собирался задать очередной вопрос, он машинально полез в карман за карандашом и вместо него нащупал что-то твёрдое и округлое. Достав предмет, он уставился на него с выражением человека, который только что обнаружил улику, но не может понять, к чему она относится. Это была фарфоровая свинка в цилиндре.

– Это что, – медленно произнёс Питер, глядя на фигурку, – новая улика? Или заговор?

Кэтрин, которая как раз вернулась на своё место, не выдержала и рассмеялась – тихо, чтобы не нарушить и без того хрупкую тишину, но искренне.

– Это заговор детей, – призналась она. – Они думают, что, если дать её вам, вы быстрее всё раскроете. У них своя теория: свинка приносит удачу.

Питер повертел фигурку в пальцах, потом вздохнул и снова положил её в карман, но уже не как случайную вещь, а как нечто, что, возможно, действительно могло помочь.

– Пусть будет талисманом, – пробормотал он. – Если удача нам понадобится, пусть приходит в таком виде.

Тем временем Кэтрин снова открыла свой блокнот и быстро записала несколько строк.

Питер заметил это и подошёл ближе.

– Что-то важное? – спросил он.

Она подняла глаза, в которых уже не было растерянности, только сосредоточенность.

– Да. Я думаю, ложные следы ведут нас к капитану Фросту не просто так. Мокрые манжеты – это слишком очевидно. Кто-то хотел, чтобы мы их заметили. И потайной ход… Если им действительно пользовались, то не для того, чтобы войти в библиотеку. А чтобы выйти из неё и оказаться в другой части дома, пока все были заняты тостом.

Питер посмотрел на неё с уважением.

– Вы приняли инициативу, – тихо сказал он.

Кэтрин слабо улыбнулась.

– Кто-то должен. А я знаю этот дом. И я не хочу, чтобы правда пряталась в тени ещё хоть один день.

За окном метель понемногу стихала, и сквозь разрывы в тучах пробивался бледный свет луны. В доме тоже что-то менялось: страх уступал место решимости, а молчание –разговорам, в которых наконец-то звучали не оправдания, а попытки понять. Питер Уэст и Кэтрин стояли плечом к плечу, и теперь они искали не просто убийцу. Они искали ту самую правду, которую столько лет прятали за панелями, за вежливыми улыбками и за фарфоровой свинкой в цилиндре – маленьким, нелепым, но таким важным маяком в темноте.

Глава 6. Мозаика мотивов и первые самостоятельные выводы Кэтрин

В малой библиотеке, куда Питер и Кэтрин ушли, чтобы не мешать суете в гостиной и не давать гостям лишний повод шептаться, воздух был густым от запаха старой бумаги и едва уловимого лимонного воска, которым натирали полки. Здесь не было ни парадного блеска, ни показного уюта, только ряды книг, тяжёлые шторы, приглушающие завывания метели, и стол, на котором Питер разложил свои заметки, словно раскладывал карты в сложной игре, где ставка – правда.

Кэтрин села напротив, придвинув к себе блокнот. Её пальцы слегка подрагивали, но взгляд был твёрдым. Питер заметил это и, вместо того чтобы торопить, спокойно начал объяснять:

– Мы собираем факты, как кусочки пазла. Иногда они не подходят, потому что мы держим их вверх ногами. Или смотрим на них под неверным углом. Главное – не цепляться за первую версию. Она почти всегда обманчива.

Кэтрин кивнула, не с показным усердием, а с настоящей готовностью понять. Она раскрыла свой блокнот и начала выкладывать наблюдения, будто раскладывала перед ним камешки, из которых должна была сложиться картина:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.